

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ ЖАНРОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ИЗОБРАЖЕНИИ ЛЮДЕЙ

Выше уже отмечалось, что разные стили в изображении человека с различной степенью интенсивности сказываются в отдельных жанрах. Монументальный стиль XI-XIII вв. отчетливее всего представлен в летописи, экспрессивно-эмоциональный - в хронографах и житиях и т. д.

Сейчас необходимо остановиться на другом: на различиях в изображении человека в связи с различными литературными задачами, стоящими в отдельных жанрах. Для этого прежде всего сделаем некоторые замечания о самом характере литературных жанров в древней Руси.

Жанровые различия в древней русской литературе гораздо значительнее и гораздо устойчивее, чем в литературе новой. Жанр в древней русской литературе - это не только литературное явление, но явление и внелитературное. Вопрос о жанре усложняется фактом определенного употребления литературных произведений в церковной политической жизни и в быту.

Житие святого имеет не только литературное назначение, оно входит в церковные службы, в монастырский обиход и поэтому не может меняться. Внутри житийного жанра существуют жанровые разновидности - минейные жития, проложные, патеричные и др. Все они также вполне определены и, связанные церковным обиходом, неизменны.

Летопись - также явление не только литературное, художественное. Летопись - это документ исторический и юридический. Она также имеет определенное общественное и политическое внелитературное употребление. То же можно сказать и о таких жанрах, как послания, поучения, беседы, "хождения" и т. д. Отсюда ясно, что литература своими жанровыми разветвлениями входит в самую толщу общественной, деловой, церковной жизни. Каждый жанр имеет свою специфическую сферу распространения и иногда мало связан с другими жанрами.

Новые явления в области стиля охватывают поэтому не всю литературу сразу, а первоначально лишь отдельные жанры. Если общественные идеи сказываются во всей литературе одновременно, то изменение стиля проявляется главным образом внутри отдельных жанров. Так, например, второе югославянское влияние в стилистическом строе литературных произведений XIV-XV вв. сказалось по преимуществу в житийной литературе и в гораздо меньшей степени в летописи.

Вот почему в литературе древней Руси мы можем говорить о житийном стиле, хронографическом стиле, летописном стиле и т. д., тогда как применительно к литературе XIX в. сказать "драматургический стиль", "стиль романов", "стиль повестей" - нелепость.

Движение литературы вперед постоянно переkreщивается внутрижанровыми различиями и изменением текста памятника внутри жанра.

Текст каждого отдельного древнерусского памятника крайне неустойчив и постоянно меняется в процессе переписки. В этих изменениях текста памятника, помимо его изменения в связи с общей эволюцией литературных вкусов и взглядов, можно наблюдать один и тот же процесс смены нелитературных явлений литературными, "некнижных" - книжными, нарастания устойчивых жанровых признаков, и этот процесс постепенного развития "литературности" в какой-то мере стирает различия эпох, вносит в судьбу текста каждого отдельного произведения однонаправленные изменения, сбивавшие перспективу общего развития литературы в целом. Явление это сложное и чрезвычайно характерное для древнерусской литературы. Остановлюсь на нем подробнее.

Художественная литература древней Руси развивается на фоне нелитературных явлений, на фоне деловой письменности, причем литература то сближается с этой деловой и просто бытовой письменностью, то отталкивается от нее.

В ряде работ последних лет подчеркивалось обогащение литературы, идущее от деловой письменности, появление новых жанров в литературе под влиянием форм деловых документов, нелитературных произведений (духовных, челобитных, статейных списков, различного рода посланий, даже азбук, лечебников, росписей о приданом и т. д.)¹. Но замечалось и другое: наряду с процессом интеграции литературы и деловой письменности шел процесс постоянной дифференциации - процесс, не в меньшей мере обогащавший литературу. Литература не только сближалась с деловыми и бытовыми формами письменности, но и отталкивалась от них, стремилась возвыситься над всякой обыденщиной, стремилась к литературной выпренности, и это также увеличивало богатство форм, богатство языка, богатство образов. Сближение и расхождение противостояли друг другу, но оба были полезны для литературы. Постоянная соотнесенность литературных и нелитературных явлений увеличивала напряженность литературного творчества, ускоряла развитие, облегчала создание новых литературных форм, то отталкивавшихся от нелитературных явлений, то обращавшихся к ним.

Особенно интересно проследить борьбу обеих тенденций (к дифференциации и интеграции с деловой письменностью) в пределах истории текста одного произведения.

Характерные явления могут быть отмечены в житийной литературе. Жанр житий, как уж только что отмечалось, далеко неоднороден. Особый род житийной литературы представляют документальные записки, составлявшиеся как память о святом,- "материалы" для его биографии. Эти записки не претендовали на литературность. Их основная функция - сохранить свидетельства о святом, факты его жизни, его посмертные чудеса и т. д. Впоследствии эти записки перерабатывались, становились всё более и более литературными - "удобренными" и риторичными.

Такова, например, записка Иннокентия о последних восьми днях жизни Пафнутия Боровского², или житие Кассиана Босого³, или первоначальная редакция жития Зосимы Соловецкого⁴.

Записка Иннокентия о смерти Пафиутя Боровского - это своеобразное литературное "чудо" XV в. Иннокентий писал ее в 1477 или 1478 г. Он стремился к

полной правдивости, записывал по возможности всё, что знал о Пафнутии, с буквальной точностью передавая иные из его слов. В результате в ней не только тщательно переданы все отношения Пафнутия внутри монастыря, а отчасти и его отношения с немонастырскими лицами, но очень точно обрисован и самый характер Пафнутия. Следовательно, в этой записке налицо такие явления литературного ряда, которые осознанно вступают в литературу значительно позднее. Перед нами как бы бессознательный, стихийный средневековый натурализм. Раньше, чем характер человека был открыт в литературе, здесь перед нами выступает вполне четко обрисованная индивидуальность: волевой, очень решительный человек, необыкновенно сильный и властный, старчески раздражительный и упрямый.

Записка Иннокентия написана с потрясающей для своего времени правдивостью. Иннокентий сам пишет: "...не буди мне лгати на преподобного понеже и сведетелие суть неложнии". По-видимому, непосредственные и непретенциозные рассказы послухов и свидетелей во все времена отличались чертами правдивости, в которых не следует усматривать особой литературной позиции этих свидетелей и послухов, особого стиля или литературного направления. Это не реалистичность литературы, а реальность самой жизни, как бы перенесенная в литературу, это стихийный натурализм документа, точной записи происходящего.

В пределах XV в. эти записки, как и самые события, перерабатываются в схемы, далекие от реализма. Записка Иннокентия была переработана Вас-сианом в ж и т и е Пафнутия.

То же самое можно проследить и на судьбе жития Зосимы. Первоначальная редакция жития Зосимы представляла собой именно такого рода записку - памятные записи, воспоминания, продиктованные неграмотным старцем Германом клирикам Соловецкого монастыря. Эту первоначальную редакцию жития Герман "простою речию сказоваше клирикам, а они кли-рицы тако писаша, не украшая писания словесы". Об этом говорит Досифей в послесловии к житию Зосимы ("О сотворении жития"), сам записывавший от Германа сведения о Зосиме, а потом составивший по поручению новгородского архиепископа Геннадия его второе житие. Это второе житие, написанное также еще не украшенными "словесами", Досифей передал в Ферапонтов монастырь бывшему митрополиту Спиридону, который и "удобрил" его. Характерно, что впоследствии Максим Грек счел и эту переделку жития Зосимы недостаточно литературной.

Итак, "некнижные" редакции житий, записки о них свидетелей, сменяются книжными редакциями житий. Достоверных случаев обратного процесса мне не известно.

В. О. Ключевский предупреждал от слишком прямолинейного понимания этого постепенного движения житийного произведения к литературности. Он указывал, например, что биограф Варлаама Важского предпринял написание его жития, когда в монастыре и в окрестном населении его считали "аки проста людина, а не единаго от святых"⁵. Указывает В. О. Ключевский и другие случаи, когда первоначальные редакции жития уже отличались высокой книжностью, но убедительных примеров сознательных переделок "украшенных" житий в "неукрашенные" привести ему не удалось⁶.

В истории текста очень многих литературных произведений в пределах XI-XVI вв. мы можем заметить то же движение от первоначальных нелитературных форм к литературным, от "просторечия" и непосредственной фольклорности к "удобренности", к усилению признаков жанра, развитию "литературности" изложения. Это происходит, в частности, и с бытовой повестью. Первоначальные, древнейшие тексты повестей гораздо "фольклорнее", проще, ближе к жизни, чем последующие. Эти изменения в истории текста произведений нередко принимали за борьбу различных стилей, хотя серьезных оснований к этому и не было.

Первоначальные редакции произведений, как правило, менее литературны, менее "книжны", чем последующие. История текста отдельных произведений показывает, что произведение в движении своего текста усиливает свою литературность. И в этом нарастании литературности отнюдь не следует видеть смены вкусов, борьбы направлений в литературе и т. д.

Не следует видеть эту борьбу и в известных полемических замечаниях Курбского по поводу грубости стиля Грозного ("...туто же о постелях и телогреях и иные безчисленные яко неистовых баб басни..."⁷, - пишет Курбский о первом послании Грозного). Курбский, в своем желании укорить Грозного, уличает его в неумении писать литературно, а не полемизирует с ним из-за литературных взглядов. И замечательно, что Грозный не защищает своих литературных позиций, как защищал свое "просторечие" впоследствии Аввакум. Сознательных литературных позиций у Грозного попросту нет.

Замечательно, что в процессе развития литературы, особенно к XVI и XVII вв., не только отдельные "некнижные" произведения, как уже отмечалось выше, "книжны" (т. е. литературны), но всё увеличивается и самое количество "книжных" жанров. Появляются степенные книги, "истории". Исторические повести, которые до XVII в. носили "нерегулярный" характер, приобретают все признаки определенного жанра. Историко-бытовая повесть, которая до XVII в. также не имела еще четких жанровых признаков и обычно в своих поздних редакциях перерастала в житие, в XVII в. приобретает признаки особого, устойчивого жанра. "Литературность" всё сильнее проникает в летописание (особенно начиная с середины XVI в., когда особенно чувствительным становится влияние хронографа). В XVII в. появляются целые новые области литературы: виршевая поэзия и драматургия.

В этой обстановке меняется даже самое взаимоотношение литературных и нелитературных явлений. Если раньше нелитературные, "некнижные" произведения письменности служили только основой, "отправным пунктом" для многих литературных произведений, не пытаясь заменить собой литературу, то теперь, в XVII в., ряд нелитературных явлений сам претендует на то, чтобы быть литературой. "Просторечие", различные "деловые" формы письменности начинают восприниматься как особые литературные стили. Так, например, "некнижные" жития - предварительные записки о святом, не претендовавшие на то, чтобы представлять окончательную форму жития, теперь, в XVII в., заявляют право быть "большой литературой". "Житие" Аввакума, так же как и другие его произведения, - это литература, в которой "некнижный" характер произведения осознается как своеобразный литературный стиль. В самом деле, Аввакум считал себя защитником

национальной самобытности, и эту национальную самобытность в литературе он видел не в "книжности" стиля, а в "просторечии". "Не ищите, говорит он,- риторики и философии, ни красноречия, но здравым истинным глаголом последующе, поживите. Понеже ритор и философ не может быть христианин". Это беспримерное по смелости высказывание Аввакума противоречило всей литературной практике, существовавшей до него. Там "риторика", "красноречие", "красноглаголание" были неизменным идеалом всякого церковного писателя. Все литературные произведения, переделываясь, приближались только к этому идеалу литературности, и именно это "красноглаголание" и "плетение словес" считались достойным выражением святости (у Епифания Премудрого, Пахомия Серба, Василия Тучкова и многих других).

Житие Аввакума, хотя и похоже на "записку", не претендует на то, чтобы быть материалом для более книжного "жития". Это уже литература, уже вполне законченное произведение.

В творчестве Аввакума мы впервые видим сознательное обращение к бытовой речи как к определенному литературному стилю. В этом принципиальное отличие Жития Аввакума от некнижных житийных записок предшествующего времени, и в частности от "записки" Иннокентия о последних днях Пафнутия Боровского, некнижного жития Зосимы, некнижного жития Михаила Клопского, некнижных элементов в посланиях Грозного, Иосифа Волоцкого и т. д. Это явление чрезвычайно важно. Оно доказывает зрелость литературного развития, способность литературы время от времени не стихийно, а сознательно обращаться к бытовой и деловой речи, обогащаться ею. Итак, в XVII в. многие из форм деловой письменности включаются в литературу как уже литературные явления. В XVII в., а отчасти уже в XVI в., вступает в силу сознательное обращение к жанру и стилю деловых документов (статейных списков, дипломатической переписки, челобитных и пр.).

Так же точно в XVII в. мы видим не стихийное, а вполне сознательное обращение к фольклору, к фольклорным произведениям, как к определенному стилю.

Между фольклорностью отдельных пассажей в старшей летописи, отдельных пассажей в "Повести о разорении Рязани", фольклорностью основы "Повести о Петре и Февронии", с одной стороны, и фольклорностью "Повести о Горе Злочастии", отдельных произведений демократической сатиры XVII в. или песен Квашнина-Самарина - с другой, есть принципиальное различие. Последние произведения стремятся последовательно (в меру своих возможностей) выдержать фольклорный стиль, отчетливо ощущают жанр фольклорных произведений. Летопись, "Повесть о разорении Рязани" и другие произведения старшей поры сознательно используют лишь факты из фольклорных произведений, стиль же фольклорных произведений проникает в книжность вместе с фактами - либо стихийно, либо постольку, поскольку он не вступал в противоречие с жанрами книжности.

В развитии художественных методов изображения человека воздействие деловой письменности в XVII в. имело очень большое значение. Оно не только сближало это изображение с фактами действительности, опрощало его, лишало литературной приподнятости, сближало его с окружающим бытом, но и вносило особую отстраненность в изображение, умеряло авторский субъективизм, столь типичный для средних веков.

В древнерусских литературных произведениях предшествующего времени всегда и во всем проявлялась авторская точка зрения, всегда был слышен голос автора, интерпретировавшего событие и явления. Мнение автора всегда было на виду, его отношение к изображаемому было всегда отчетливым. Действующие лица произведений были подчинены идеологической схеме автора; они являлись иллюстрацией к его общей мысли. В той или иной степени автор XI--XVI вв. был всегда проповедником, и проповедь, с этой точки зрения, была ведущим жанром на протяжении нескольких веков. Проповедник чувствует во всех разновидностях житийного жанра, в исторических произведениях (в том числе и в летописи), в произведениях паломников и т. д. Отсюда ораторские приемы изложения, которые пронизывают собой всю литературу средних веков XI-XVI вв.- от "Слова о полку Игореве" и до описания путешествий.

Было бы, однако, ошибочно видеть в этом явлении признак особого развития в XI-XVI вв. авторского начала. Ведь автор проповедовал не свою точку зрения, не свое личное отношение к изображаемому, а единую, общую, как ему казалось, точку зрения.

Авторы русских произведений XI-XVI вв. не искали выражения своего авторского, индивидуального начала, они не стремились отличиться друг от друга. В большинстве случаев они подчиняли свое изложение трафарету, пользовались традиционными формулами. Их точка зрения в основном была подчинена богословию. В богословии же всё считалось уже познанным. Вот почему и автор не стремился познать мир, - он точно объяснял отдельные явления с раз и навсегда установленной точки зрения. Не познавать, а объяснять явления и выводить отсюда моральное поучение - такова основная литературная установка древней Руси.

Средневековье не знает чужой мысли, чужой идеи как предмета объективного изложения. Чужие идеи опровергаются, но объективно они не могут быть переданы. Не излагаются и те идеи, которые кажутся их носителям истинными, - они лишь проповедаются. Всё уже познано в богословии, всё открыто, истина найдена. Задача автора - лишь применить эту истину к различным случаям.

Раз истина одна и познана, следовательно, споры не нужны. Poleмика, в нашем смысле этого слова, не нужна, - возможно только "разоблачение" противника, как носителя злой воли. То, что мы называем полемикой, в древнерусской литературе и публицистике XI-XVI вв., а отчасти и позднее в большой мере носит именно этот характер. По существу, с точки зрения авторов XI-XVI вв., ошибочных, неправильных мыслей нет - есть только злая воля, которая и должна быть обнажена перед читателем в своей сущности. Чужое сознание, чужое убеждение, по существу, отрицалось, и к нему не было чувства уважения. Средневековое сознание было поэтому исключительно нетерпимо не только к и з л о ж е н и и мыслей, но и к и з о б р а ж е н и и человека и мира.

То обстоятельство, что автор подчинял мир своей идеологии, своей схеме, своему нормативному идеалу, вело к утрате героем литературного произведения своей самостоятельности, той самостоятельности, которая удивляла иногда самих писателей-реалистов XIX в., не знавших иногда в процессе создания своего произведения, как поведут себя в дальнейшем их герои⁸. Но это не означало еще, что в

литературе и в самом деле господствовала единая точка зрения, что в ней не было споров. Суть дела только в том, что каждая точка зрения объявляла себя единственно ортодоксальной и не признавала права на существование за другой. И это сознание отсутствия права на существование другой точки зрения опиралось не на доводы логики или на практический опыт, а исключительно на убежденность в собственной ортодоксальности.

Вот почему голос автора в произведениях XI-XVI вв. не умолкает даже тогда, когда говорят его действующие лица. По существу, прямая речь действующих лиц в произведениях древнерусской литературы до XVI в. очень часто является разновидностью косвенной речи. Речи действующих лиц не передаются автором, а пересказываются им. Они вводятся с помощью предлога "яко", служат придаточными предложениями⁹.

Выше мы говорили лишь об основной, направляющей линии проповеднического пафоса средневековой литературы XI-XVI вв. На самом деле, конечно, она знает много исключений. Эти исключения в древнерусской литературе определялись главным образом вторжением документа. Документальные данные, вносимые в летопись, в исторические произведения, отчасти в жития, усложняли изображение человека (хотя бы в первоначальных редакциях жития, в летописи), делали это изображение жизненно противоречивым, придавали индивидуальные черты речам действующих лиц.

Так, например, древнейшие новгородские летописи, отличающиеся особо документальным характером, дают и самые яркие образцы жизненно-реальной и индивидуализированной речи¹⁰. Но индивидуализированность речи есть следствие уважения к чужой речи, как к документу, а не сознательный литературный прием.

С развитием чисто литературных жанров в XVII в. и с признанием в литературе за деловыми жанрами и деловыми стилями законного права на существование унисон авторских голосов пропадает. Литературное произведение перестает быть монологом автора. Появляются драматические произведения, типичной особенностью которых становится полная отделенность изображения от изображающего.

Отделенность изображения от писателя, "объективность" этого изображения была подготовлена всем ходом развития литературы. В литературных произведениях появляются симпатичные читателю авантюристы, ловкие люди (например, Фрол Скобеев, купеческий сын в "Повести о купце, купившем мертвое тело"), люди "пропащие" (вроде безвестного молодца - героя "Повести о Горе Злочастии"), продавшие душу дьяволу (Савва Грудцын - в повести, ему посвященной), обиженные судьбой, непризнанные, предавшиеся какой-либо страсти, и т. д.

Появление всех этих героев потому и стало возможным, что авторская точка зрения на них перестала проявляться открыто. Это была эмансипация литературного произведения - не столько даже от автора, сколько от его морализирующей, проповеднической точки зрения. Это была секуляризация литературы, в процессе которой сближение с деловой письменностью было чрезвычайно существенным моментом, давшим ей необходимую объективность¹¹.

-
- ¹ Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. М.- Л., 1952 (глава "Деловая письменность и ее роль в развитии литературы древней Руси"). Д. С. Лихачев. Повести русских послов как памятники литературы. В кн.: Путешествия русских послов XVI-XVII вв. М.-Л., 1954; В. В. Данилов. Некоторые приемы художественной речи в грамотах и других документах Русского государства XVII в. Труды Отдела древнерусской литературы (ОДРЛ) Института русской литературы Академии наук СССР, т. XI. М.-Л., 1955.
- ² Издана в кн.: В. О. Ключевский. Древнерусские жития снятых как исторический источник. М., 1871, стр. 439-453.
- ³ См.: А. Кадлубовский. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902, стр. 258 и сл.
- ⁴ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 198 и сл.
- ⁵ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 385.
- ⁶ Так, например, предположения В. О. Ключевского о том, что книжная редакция жития Михаила Клопского предшествовала безыскусственной (там же, стр. 378 и 209 и сл.), опровергаются исследованием Л. А. Дмитриева (Повести о Михаиле Клопском. М.-Л., 1958).
- ⁷ Русская историческая библиотека, т. XXXI. Сочинения князя Курбского, т. 1, СПб, 1914, стр. 117.
- ⁸ Известно, что Пушкин, приступая к "Евгению Онегину", не ясно различал его окончание; так же точно Л. Толстой, начиная "Войну и мир", Достоевский - "Идиота", не знали, чем они кончат свои романы.
- ⁹ Ср. в "Повести временных лет": "Святополк же, прогнав Давыда, нача думати на Володаря и на Василка, глаголя, яко "се есть волость отца моего и брата" и поиде на ня. Се слышав Володарь и Василко, поидоста противу, взявша крест, его же бг целовал к нима на сем, яко "на Давыда пришел еси, а с вама хочю имети мир и любовь". И приступи Святополк крест, надеяся на множество вой. И сретошася на поли на Рожни, исполчившимся обоим, и Василко възвиси крест, глаголя, яко "сего еси целовал, се перьвсе взял еси зрак очью моею, а се ныне хочещи взяти душу мою. Да буди межи нами крест съ". И поидоша к себе к боеви, и сступишася полци и мнози человеци благовернии видеша крест над Василковы вой възвышья велми. Брани же велице бывши и мнозем падающим от обою полку, и видев Святополк, яко люта брань, и побеже, и прибеже Володимерю. Володарь же и Василко, победивши, стаста ту, рекуща: "Довлает нама на межи своей стати", и не идоста никамо же" (Повесть временных лет, т. I. М.-Л., 1950, стр. 178-779).
- ¹⁰ См. подробнее: Д. С. Лихачев. Русские летописи. М.-Л., 1947, стр. 114-131 (глава "Прямая речь в летописи").
- ¹¹ В связи со всем сказанным об эмансипации литературного героя находится и другое явление - эмансипация художественного времени (см.: Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. М.-Л., 1967, стр. 291-511).